УДК 80

ФОРМИРОВАНИЕ «КИТАЙСКОГО КОНТЕКСТА» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Красноярова Анна Александровна

к.ф.н., преподаватель русского языка

Наньчанский университет, кафедра иностранных языков

Аннотация: Текст и контекст находятся в состоянии постоянного взаимодействия. Контекст способствует дальнейшему развитию тематического текста, а текст, в свою очередь, определяет функции и структуру контекста. В статье поясняется роль историко-культурного контекста в организации текста.

Цель статьи – показать, что начиная с XIX века Китай воспринимался российской публикой не только местом производства «экзотических предметов», но и в качестве источника идей, сюжетов и образов. «Китайские образы» стали аллегорической формой для выражения важных для русских писателей гуманистических ценностей (произведения А.К. Толстого, В.М. Дорошевича) и одновременно способом их проверки (философские трактаты Л.Н. Толстого).

Ключевые слова: Россия и Китай; китайский текст; китайский контекст; Китай в русской литературе.

FORMATION OF THE "CHINESE CONTEXT" IN RUSSIAN LITERATURE

Krasnoyarova Anna Alexandrovna

Abstract: Text and context are in a state of constant interaction. The context contributes to the further development of the thematic text, and the text, in turn, determines the functions and structure of the context. The article explains the role of the historical and cultural context in the organization of the text.

In addition, the article shows that since the 19th century China has been perceived by the Russian public not only as a place of production of “exotic objects”, but also as a source of ideas, plots and images. "Chinese images" became an allegorical form for expressing humanistic values important for Russian writers

(works by A.K. Tolstoy, V.M.Doroshevich) and at the same time a way of testing them (philosophical treatises by L.N. Tolstoy).

Key words: Russia and China, Chinese text, Chinese context, China in Russian literature.

Начиная с XIX века Китай воспринимался российской публикой не только в качестве места производства «экзотических предметов», но и как источника идей, сюжетов и образов.

В российских журналах чаще стали появляться короткие рассказы на «китайскую тему», выполненные анонимными переводчиками, обычно — через языки-посредники (французского, английского, включая маньчжурский язык). Как правило, эти переводы представляли краткие вольные пересказы китайских текстов (авторы которых часто не указывались) и имели отступления от сюжетной линии оригинальных произведений; существенно изменялись и имена персонажей, время и место действия.

В процессе своей научной и просветительской деятельности обращался непосредственно к китайским источникам о. Иакинф, представитель Русской Православной Духовной Миссии в Пекине. Он выполнил переводы на русский язык многочисленные китайские тексты (в том числе, свыше десяти исторических трудов) и канонических книг, писал публицистические статьи для популярных журналов, научные и учебные работы. О. Иакинф составил первый китайско-русский словарь, являвшийся одновременно «энциклопедией жизни китайского народа», опубликовал первую в Европе карту Пекина с подробным описанием города, а также собрал большое количество материалов об экономической и военной ситуации в стране, о китайском законодательстве, системе образования, религии и других сферах китайской культуры.

Труды и Н.Я. Бичурина были хорошо известны в российской (и европейской) культурной среде первой половины XIX в., чему в немалой степени способствовало его общение с Н.А. Бестужевым, Н.В. Гоголем, И.А. Крыловым, В.Ф. Одоевским А.С. Пушкиным, другими писателями, а также с зарубежными дипломатами.

Бичурин Н.Я. серьезно относился к своей переводческой деятельности: 25 августа 1822 г. в «Записке Егору Федоровичу Тимковскому» он написал: «До времени я не решался издавать в свет мои переводы. Сочинение или перевод, предположенные к изданию, должны быть совершенны или, по

крайней мере, должны быть доведены до возможного совершенства. В китайской словесности не столько язык их труден, сколько образ понятий, и посему точный перевод будет невразумителен, а приноровленный к нашим понятиям, несправедлив. Чтоб избежать сих препятствий, за необходимое почитаю сделать предварительные приготовления ко вступлению в стиле китайской словесности. Для сего потребно: первое – определить и утвердить значение многих слов и выражений; второе – предварительно издать некоторые небольшие переводы, которые могли подать нам краткое понятие о китайской философии и учёности, о их религии и правлении» [1].

Что касается русской литературы этого времени, то она, в первую очередь, обращалась к изображению «арабского» (мусульманского) Востока. В творчестве А.С. Пушкина интерес к духовному богатству и внутреннему миру «восточного» человека выразился в лирических стихотворениях, поэмах и сказках («Подражание Корану», «Руслан и Людмила», «Бахчисарайский фонтан» и др. произведения). «Пушкина заинтересовало “человеческое” в его национальных чертах, человеческий быт <...> и поэт блестяще выполнил эту задачу» [2, с. 244].

В то же время А.С. Пушкина привлекала и китайская культура, что было вызвано общением с о. Иакинфом, А. Бестужевым, В. Кюхельбекером, бароном П. Шиллингом. В стихотворении «Поедем, я готов; куда бы вы друзья» (30 декабря 1829 г.) поэт писал:

Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я
Повсюду следовать, надменной убегая:
К подножию ль стены далекого Китая...

[3, с. 263].

В этом стихотворении под «друзьями» имелись в виду о. Иакинф и барон П.Л. Шиллинг фон Канштадт, которым была поручена организация торговли между Россией и приграничными районами Китая. Однако это стихотворение можно рассматривать не только как изложение конкретных фактов из жизни поэта, но и как указание на символическую «готовность» к восприятию русской культурой контекста «далёкой» («чужой») культуры.

Пушкину не удалось осуществить свою мечту о поездке в Китай, однако это не уменьшило его интерес к стране. В личной библиотеке поэта, по информации В. Куликова [4], имелись 82 книги о Китае. Писатель И.Л. Леонтьев [псевдоним Иван Щеглов], исследовавший в начале XX в.

архивы Полотняного завода, принадлежащего семье Гончаровых, обнаружил, что в 1834 г. поэт брал из этой библиотеки преимущественно книги о Китае.

Изучение работ Конфуция стало источником, из которого черпал «духовную силу» Л.Н. Толстой. Так, 15 марта 1884 г. писатель сделал в дневнике запись: «Я сижу дома <...> и читаю Конфуция второй день. Трудно представить себе, что это за необычайная нравственная высота. Вы получите чувство морального удовлетворения, заметив, что это учение иногда достигает высот христианства <...>. Моё хорошее моральное состояние я приписываю чтению Конфуция и, главное, Лао-цзы» [5, с. 884].

Писателю нравился стиль мышления китайского философа, его лаконизм и кажущаяся внешняя противоречивость суждений, которая максимально стимулирует мысль читателя, «направляя его ум в сторону дальнейших выводов и неожиданных заключений» [6, с. 88]. «Это удивительная книга, – указывал Л. Толстой, имея в виду «Даодэцзин». – Я просто буду её переводить (с английского, французского, немецкого), хотя это будет далеко от (подлинного) текста. Я было хотел начинать учиться по-китайски...» [7, с. 480]. В дневниковой записи от 5 мая 1905 г. писатель отмечал: «Тоскливое состояние – недовольство – очевидно, внутреннее <...>. Очень значительно было для меня чтение Лаотце [принятые в настоящее время варианты написания – Лао-цзы или Лаоцзы. – А.К.]. Даже как раз гадкое чувство, прямо противоположное Лаотце: гордость, желание быть Лаотце» [8, с. 58].

Интересным с точки зрения «китайского текста» представляется и роман-утопия В.Ф. Одоевского «4338-й год: Петербургские письма» (1835 г.), написанный в форме писем китайского студента Главной Пекинской школы Ипполита Цунгиева (живущего в XXIV в.), адресованных сокурсникам, обучающимся в Главной школе Санкт-Петербурга.

Полемизируя с традиционным «европоцентристским» подходом, согласно которому китайская цивилизация характеризуется «застоем» и «коснением» – в противовес «прогрессивной Европе», – Н.Я. Данилевский отмечал: «В этой стране живёт около 400 миллионов народа в гражданском благоустройстве. Если бы имелись точные цифры о количестве производительности китайского труда, то перед ними, может быть, побледнели бы цифры американской и английской промышленности и торговли <...>. Многие отрасли китайской промышленности находятся до сих пор на недостижимой для европейских мануфактур степени совершенства

<...>. Китайское земледелие занимает, бесспорно, первое место на земном шаре. Китайское садоводство также едва ли не первое в свете. <...> Во многих отношениях китайская жизнь удобствами не уступает европейской, особенно если сравнить её не с настоящим временем, а хоть с первой четвертью нынешнего столетия. Порох, книгопечатание, компас, писчая бумага давно уже известны китайцам и, вероятно, даже от них занесены в Европу. Китайцы имеют громадную литературу, своеобразную философию <...> [9, с. 90–91].

Объяснение этой особенности китайской цивилизации, позволявшей противостоять агрессивному натиску других культур, автор видел в «однородности» и «плотности» её «тела», в «огромной силе противодействия», «скопленной» «в тиши и уединении» [9, с. 93].

А.С. Хомяков указывая на ошибочность европоцентристских взглядов, отмечал: «Самые высокие и живописные горы всего мира, это огромная твердыня снежного Гималаи, течение рек, перед которыми мала наша Волга, роскошь природы, соединяющая в себе произведения всех климатов, каналы больше наших рек, города больше Лондона, население далеко превышающее всю нашу Европу, древность, перед которою все державы – выскочки вчерашнего дня: есть чем гордиться китайцу, есть над чем задуматься европейцу. ...Мы должны признаться, что логическая стройность и строгая последовательность отличает их политическую организацию пред всеми другими и что уважение к уму человеческому и к просвещению не доходило нигде до той степени, до которой оно доведено в Китае [10, с. 32]. Китай, по его мнению, решает «высокую задачу» построения «государства нравственного, развитого разумно» [10, с. 77]. А.С. Хомяков определил особенности, сближающие русскую и китайскую цивилизации: оба народа обладают стремлением к миру и устойчивым типом культурного развития, в результате которого они «...мирною сохою победили мечи соседних племён» [10, с. 89], а Китай в результате своего развития (как и Россия) «пересоздал завоевателей» [10, с.108].

Китайская цивилизация интересовала и Ф.М. Достоевского. Китай интерпретировался им в качестве загадочной – как для европейцев, так и для русских – страны, жизнь в которой максимально далека от всего привычного, окружающего русского и европейского человека. В повести «Белые ночи» Настенька рассказывает Мечтателю о своих тайных желаниях: «Я сама мечтатель! <...> Ну, вот и начнёшь мечтать, да так раздумаешься – ну,

просто за китайского принца выхожу...». Иллюзорная мечта о «китайском принце» исчезает после того, как Настенька начинает читать книги «европейских» писателей («Вальтер-Скотта», Пушкина), и когда её мечты стали более реальными, она «перестала думать, как бы выйти за китайского принца» [11, с. 111].

Большую роль в формировании «китайского текста» русской литературы во второй половине XIX – начале XX в. сыграли описания путешествий (травелоги). Классическим произведением русской литературы середины XIX в., в котором появился развёрнутый образ Китая, стал «географический роман» И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”», создававшийся в 1852–1855 гг. и опубликованный отдельным изданием в 1858 г. И. Гончаров попытался увидеть китайскую цивилизацию в определённой «антиномической» системе координат: Запад – Восток, «свой» – «чужой», «подвижный» – «неподвижный», «молодой» – «старый». Писатель раскрыл особенности китайского менталитета, особо отметив трудолюбие, смиренность, доброжелательность и усердие китайских людей, отсутствие у них фанатизма, учтивость и честность, сыновнюю почтительностью. Наряду с яркими картинками, воспроизводящими быт населения китайских кварталов, в книге содержались размышления об особенностях китайского национального характера; при этом особо отмечались свойственные народу «ум», «порядок», «отчётливость», а также те его особенности, которые могли привести его цивилизацию к «стагнации», причиной которой, по мнению писателя, могло быть отсутствие у людей инициативы, склонность «подчиняться авторитету», что объяснялось воздействием принципов конфуцианства.

В очерке женщины-путешественницы А.В. Потаниной [Лаврской] «О китайской женщине» подробно описывалось посещение богатой китайской семьи: «В дверях приёмной встретила меня тай-тай; это – титул, с которым обращаются в Китае к барыням. Мы прошли с ней в комнату направо. Тай-тай была женщина лет 30, не особенно красивая, но довольно приятной наружности; конечно, белила и кармин на губах делали её несколько похожею на рисунок: в обращении барыни было много приветливости и даже радушия. Мы сели у стола в креслах, и сюда нам подали чай и к нему пирожное и фрукты; пирожное очень напомнило мне европейские печенья. Фрукты в Китае подают обыкновенно очищенные от кожи и нарезанные ломтиками. Барыня брала эти лакомства палочками, которые заменяют в

Китае наши вилки, и накладывала миге на отдельное блюдо. Прислуживала нам няня и ещё другая женщина» [12]. В этом описании, помимо тщательно отобранных бытовых наблюдений, давалась характеристика людей, – например, отмечалась «необыкновенная живость хозяйки», заинтересованность китайцев в овладении гостями их языком («присутствовавшие наперерыв сообщали нам китайские названия предметов, находившихся под руками, и весело смеялись нашим ошибкам в произношении» [12]).

В её же очерке «Театральные и религиозные представления в Китае» описывался спектакль народного театра, в котором показывалась драма «Сан-чан-салу» («Убийца Сан-чана»). Автор излагал (несколько иронически) сюжет незнакомого российскому читателю произведения: («Главные действующие лица – муж и его модная капризная жена, выданная за него по неволе и любящая другого. На сцене любезности мужа отвергались с очевидным презрением; наступившая ночь прошла в том, что жена пела жалобную арию, в то время как муж спал и с громкими зевками просыпался только при звуках...» [Потанина 1885]), воспроизводилась внешность персонажей («Лицо <...> было вымазано белым, кажется, с целью указать на её хозяйственные занятия по кухне и на возню с мукой» [13]) и игра актёров.

В другом произведении («Тысяча сто вёрст в носилках») А. Потанина изображала празднование Нового года по китайскому лунному календарю («С вечера вся деревенька расцветилась фонарями и почти неумолкаемо оглашалась взрывами ракет; это не была детская забава: отцы семей жгли ракетки в честь богов. Всю ночь народ не спал; ночью стряпали и устраивали ужин, утром опять жгли ракетки и стреляли» [14]); при этом ею особо отмечались доброта и гостеприимство местного населения («Хозяева дяна и наши носильщики приходили и к нам с поздравлением, причём приносили нам праздничный подарок в виде сдобного печенья, и во время своего обеда принесли и нам своих блюд, приготовленных на этот раз из мяса и очень вкусно» [14]).

Анализ русской культуры и литературы последней трети XVIII – начала XX в. показывает, что в течение этого периода в ней сформировалась традиция обращения к мотивам, образам и сюжетам, соотносившимся с китайской культурой, что позволяет сделать вывод о появлении в ней «китайского текста». В свою очередь, возникновение в рамках художественной литературы конца XIX – начала XX в. «китайского текста»

способствовало дальнейшему развитию в общественном сознании представлений о Китае (или «образа Китая»).

В середине XIX в. на базе «китайского контекста» русской культуры стал формироваться «китайский текст» литературы. «Китайские» текст и контекст находились в состоянии взаимодействия: «контекст» во многом определял соответствующий ему тематический «текст», который, в свою очередь, обуславливал функции и структуру «текста». В это время были опубликованы тексты, описывающие Китай, в которых использовались сюжеты и образы китайской культуры и содержались размышления о судьбе Китая (чаще всего – в сопоставлении с судьбой России).

Важнейшей частью «китайского контекста» и «китайского текста» русской культуры оказались размышления о закономерностях и парадоксах развития самой России (в сопоставлении с Китаем). «Китайский текст» способствовал разрушению европоцентристских представлений (работы А. Хомякова и Н. Данилевского). Для российских писателей (И. Гончарова, Л. Толстого, В. Дорошевича и др.) и читателей «Китай» был интересен как особый мир, реализующий иной вариант развития страны. Труды китайских мыслителей, по мнению некоторых писателей (например, Л. Толстого), указывали русскому человеку «путь», гармонично сочетающий понимание и ценность «своего» и «чужого».

Восприятие Китая во многом было определено посредством художественной литературы (произведениям русских эмигрантов начала XX в.), обращением к многочисленным текстам китайской культуры, национальным религиозно-философским идеям, благодаря чему объединилось в целое не только описание Китая, его истории и природы, но сформировался особый образ культурных реалий Китая [15, с. 35]. Изображение Китая в этих произведениях было не просто «фоном» происходящих событий: «русский мир», раскрытый через сопоставление с аналогичным «китайским миром», позволяет поставить историко-философские проблемы о судьбах разных народов и общих закономерностях исторического развития.

Существующий многообразный культурно-исторический контекст включает не только историческую и культурную среду, но и отражённые в культурной памяти субъектов текста – читателей – представления о Китае (иногда даже весьма далёкие от реальности, но связываемые в сознании воспринимающих с этой страной), его языке, истории, природе и культуре, в

том числе выраженные через другие созданные ранее тексты, посвящённые этой стране, в частности российских синологов. В состав «китайского контекста» русской литературы могут быть включены переводы произведений китайской словесности, публицистические и научно-популярные книги о Китае. «Китайский контекст» русской литературы включает в себя многообразную «литературу путешествий», активно публиковавшуюся во второй половине XIX века в России, – произведения П.А. Кропоткина, М.В. Певцова, Г.Е. Грумм-Гржимайло, В.И. Семёнова, И.Я. Коростовца, Э.Э. Ухтомского, В.В. Корсакова, В.М. Алексеева и многих других путешественников.

Китай долгое время оставался для русских людей «не освоенной» в культурном плане страной и интерпретировался как экзотичная, «загадочная» для читателя страна, в связи с чем для китайского текста русской литературы особенно важными оказывались проблемы восприятия и интерпретации.

Список литературы

1. Архив востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 38. Л. 107.
2. Кашталева К. С. «Подражания Корану» Пушкина и их первоисточник // Записки коллегии востоковедов. Л., 1930. Т. V. С. 243-270.
3. Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959–1962. Т. 2: Стихотворения 1823–1836. М., 1959. 799 с.
4. Неизвестный Китай // Библиотека Гумер. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/kulik/04.php (дата обращения 15.07.2020).
5. Толстой Л. Н. Китайская мудрость // Полное собрание сочинений: в 90 томах. – Т. 25. – (Репринтное воспроизведение издания 1928-1985 гг.). М.: «Терра» – «Терра», 1992. С. 532-535.
6. Восток в русской литературе XVIII – начала XX века. Знакомство. Переводы. Восприятие. М.: ИМЛИ РАН, 2004. 256 с.
7. Маковицкий Д. П. У Толстого: Яснополянские записки. Кн. 2: 1906-1907. М., 1979. 688 с.
8. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. [Академическое юбилейное издание]. Т. 57: Дневники и записные книжки. 1909. М.: Государственное Издательство художественной литературы, 1952. 567 с.

9. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 816 с.

10. Хомяков А. С. «Семирамида»: мысли по вопросам всеобщей истории. Исследование истины исторических идей. // Сочинения: в 2 томах. Т. 1: Работы по историософии. М.: Московский философский фонд; Издательство «Медиум», 1994. С. 15-446.

11. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 томах. Т. 2: Повести и рассказы, 1848-1859. Л.: Наука, 1972. 527 с.

12. Потанина А. В. О китайской женщине. Русское богатство, 1887. №7. с. 115-117.

13. Потанина А. В. Театральные представления и религиозные празднестве в Китае. Литературный сборник, СПб. 1885. с.10-15.

14. Потанина А. В. Тысяча сто верст в носилках // Восточное обозрение 1893. № 24. С. 7-10.

15. Кондаков Б.В., Красноярова А.А. «Китайский текст» русской литературы (к постановке вопроса) [Текст] // Казанская наука. 2017. № 9. Казань: Изд-во Казанский Издательский Дом, 2017. С. 34–39.

© А.А. Красноярова, 2020